

бирманского народа в национальном единстве, в привлечении в борьбу всех патриотических и демократических сил, при этом он возлагал особые надежды на крестьян и рабочих. Еще в манифесте «Добама» в 1940 году, когда ее генеральным секретарем был Аун Сан, указывалось, что эта массовая организация не боится «призрака коммунизма» и с готовностью примет в свои ряды как социалистов, так и коммунистов и националистов, если они «проводят в жизнь антиимпериалистическую политику». Того же курса Аун Сан придерживался при организации Антифашистской лиги народной свободы в 1944 году и в период борьбы против английского империализма после второй мировой войны. В результате бирманский народ одержал победу. Успехи бирманской национально-освободительной революции Аун Сан всегда рассматривал как часть победы угнетенных народов Азии над империализмом.

Аун Сан не ограничивался осуждением империализма и колониализма. Он считал неприемлемым для Бирмы капиталистический путь развития. На майской конференции АЛНС 1946 года он выступил за установление контроля и ограничения развития капитализма в стране. Аун Сан считал, что после завоевания независимости Бирма должна стать государством «новой демократии», политической основой которого должен быть «союз всех демократических сил». При этом он подчеркивал, что при столкновении классовых интересов государству «новой демократии» надо быть «безоговорочно на стороне бедняков». Во внешней политике государству «новой демократии» необходимо стремиться к взаимопониманию и единству усилий всех эксплуатируемых и угнетенных народов мира, борющихся за «испровержение мирового империализма».

Аун Сан был большим другом советского народа и выступал за установление дружественных связей между Бирмой и СССР. Именно ему принадлежит инициатива установления дипломатических отношений между нашими странами.

Аун Сан был одет в золотистое лоунджи и белую рубашку. Теперь он все реже и реже появлялся в мундире, который знала вся Бирма.

В личной библиотеке Аун Сана значительное место занимают труды В. И. Ленина.

Выдающийся бирманский революционный демократ Аун Сан искренне тянулся к марксизму, хотел постичь это великое учение.

Аун Сану не суждено было дожить до наших дней. 19 июля 1947 года перестало биться его сердце. Он был убит террористами из лагеря крайней бирманской реакции, связанной с империализмом. 32-летний Аун Сан оставил значительное духовное наследие своему народу¹. Революционное правительство Бирмы во главе с боевым соратником Аун Сана генералом Не Вином намерено осуществлять заветы славного сына бирманского народа.

Советские люди искренне желают дружественному народу Бирмы и ее революционному правительству больших успехов в осуществлении идей и планов национального героя Аун Сана.

¹ Институт народов Азии Академии наук СССР готовит к изданию сборник статей и речей Аун Сана под общим названием «Бирма бросает вызов». Он выйдет в свет в этом году и даст советским читателям возможность ознакомиться с духовным наследием выдающегося бирманского революционного демократа.

В десять двадцать восемь к курьеру, сидевшему на складном стуле у входа в кабинет Аун Сана, подошли все те же солдаты.

— Отойди.

— Нельзя, идет заседание.

— Знаем.

Солдат отшвырнул курьера, другой направил на него автомат. Все четверо вошли в комнату.

Длинный стол достигал середины комнаты. Министры сидели по обе стороны от него. Во главе стола, лицом к солдатам, сидел Аун Сан. Он разговаривал с чиновником.

Один из солдат крикнул:

— Не вставать, не двигаться.

Аун Сан все-таки поднялся. Но сказать ничего не успел. Затрещали автоматы. Адьютантам в соседней комнате показалось, что в кабинете взорвалась граната. Солдаты стреляли в упор и всаживали десятки пуль в тех, кто уже упал, в тех, кто успел броситься на пол.

Вбежавшие в кабинет адъютанты в первые секунды ничего не могли разобрать. Комната была полна дымом. Потом адъютант Аун Сана увидел боджюка². Наклонился над ним. Боджок не дышал. Комната наполнилась народом. Шанский князь Сао Сам Хтун, один из горячих сторонников единства Бирманского Союза и давнишний друг Аун Сана, был еще жив. Пуля попала ему в рот, и он захлебывался кровью.

В этот день вместе с Аун Саном погибли все члены Исполнительного совета, то есть все министры временного правительства Бирмы, все руководство Лиги. Погиб и старший брат Аун Сана, У Ба Вин. Из Совета остались в живых У Ну, который не пришел на это заседание, и социалист У Джо Нейн, который в этот день плохо себя почувствовал.

Уже через пятнадцать минут Рангун гудел. Секретариат стоит в деловом центре города. Вокруг трехэтажные дома с лавками и конторами на первых этажах, с мебельными мастерскими и парикмахерскими. Кто-то слышал выстрелы, кто-то видел машины, поспешно выехавшие из Секретариата.

Примчалась в Секретариат санитарная машина. Еще одна. Полицейских окружили любопытные. И вначале никто не верил новостям. Аун Сана убили? Всех министров убили? Среди бела дня? В центре города?

В двенадцать часов комиссар полиции Рангуна У Аун Сейн, взявший на себя расследование, встретился с журналистом, который видел убийцу у входа в кабинет. Журналист открыл записную книжку. В ней был записан номер джипа — 1814.

В Рангуне закрывались магазины и конторы. На улицу выходили рабочие.

А пока срочно собрались члены правых партий — партий У Со, По Туна, Ба Мо. Теперь англичанам придется назначить новое правительство. Вернее всего премьером станет У Со.

А на улицы выходили новые и новые тысячи людей. Улицы вокруг Секретариата были запружены народом. На реке пароходы и баржи включили сирены. Автомобили останавливались и включали сирены. Казалось, весь город плачет.

Никогда еще не было столько людей на улицах.

В двенадцать пятнадцать в управление полиции принесли список владельцев автомобилей, джипов. Джип номер 1814 был записан на имя некоего Ба Эя. Наряд полиции направился к нему. Джип стоял у дома. Рядом возился механик, разложив на траве

части мотора. И механик, и соседи в один голос уверяли, что джип уже три дня никуда не выезжал. А с утра сегодня механик разобрал двигатель. Части мотора были холодными. Шины — сухими. Нет, эта машина не подъезжала к Секретариату.

А уже в полный голос в колоннах демонстрантов на стихийных митингах называли имя У Со. Обыскать его, задержать, требовали демонстранты.

У Со сидел дома у телефона и ждал звонка от губернатора. Но звонка не было. У Со так и не позвали в премьеры.

В двенадцать тридцать в полицию позвонил бирманский офицер Хан, который жил на улице Эйди. Он сообщил, что у него есть важные сведения, касающиеся убийства Аун Сана.

Хан приехал к У Аун Сейну. Повесил промокший плащ на спинку стула.

— Сегодня утром, в половине десятого, из дома У Со выехал джип. У Со вышел проводить его к воротам. Он обнял на прощание отъезжающих людей в плащах. Их было четверо или пятеро. Через некоторое время следом за джипом выехал и грузовик. Больше тогда я ничего не увидел.

У Аун Сейн вызвал дежурного и спросил, вернулись ли агенты, которых он на свой страх и риск, не предупреждая англичан, поставил на улице Эйди. Принесли их доклад. Оказывается, Хан не ошибся. В половине десятого из дома У Со выехали одна за другой две машины — грузовик и джип.

— Продолжайте, — обратился У Аун Сейн к Хану.

— Я бы не обратил особого внимания на утренний эпизод: каждый день машины приезжают и уезжают. Каждый день У Со провожает и встречает людей — у него есть связи и в провинции. Я собрался на службу. Я уходил позже — у меня в двенадцать должно было быть совещание, — и тут у моих ворот меня чуть не сшиб утренний джип. Он возвращался. Я заметил номер — 1814. Ворота в доме У Со открылись, и сам хозяин выбежал на улицу. С машины замахали руками, закричали что-то. Они были чем-то очень довольны. И ворота закрылись. А когда я добрался до службы, узнал — убили Аун Сана.

В два часа дня дом У Со был оцеплен. О том, что высылаются наряд, У Аун Сейн сообщил губернатору только после того, как наряд отбыл. Он не знал, как будет реагировать губернатор на санкции против человека, по многим сведениям, весьма близкого англичанам.

К удивлению У Аун Сейна, губернатор одобрил действия полицейского комиссара. Только пожурил за то, что его поставили в известность так поздно.

Губернатор знал о том, что творится в Рангуне, знал, что находится на пороховой бочке, фитиль которой уже догорает. Если для того, чтобы предотвратить взрыв, придется пожертвовать У Со — бог с ним. Он больше не нужен.

В два пятнадцать дом У Со был оцеплен. В двадцать полицейские уже находились внутри дома. Только один из его многочисленных обитателей оказал сопротивление и в перестрелке был ранен. У Со искренне возмущался и требовал официального ордера на арест. Он стоял посреди двора под начавшимся снова, который раз за день, дождем, постаревший, толстые очки придавали его совинному лицу напряженное выражение, щеки подергивались. Англичан среди полицейских не было. Значит, англичане его предали. За ним, согнанные в кучу, стояли подручные, в основном молодые парни. Лейтенант, командовавший операцией, приказал арестованным занять места в крытом грузовике.

² Боджок (б и р м.) — генерал.

Улики начали появляться на следующий день. Курьер опознал одного из убийц. Другого опознал журналист. Поваренок, служивший в доме У Со, раскопал в куче кухонной золы обгорелую нашивку 12-й армии. Саперы нашли на дне озера пять солдатских широкополых шляп, автоматы и фальшивый номер 1814.

Охранять У Со было трудно. С одной стороны, от бирманцев — было несколько попыток прорваться в тюрьму и казнить его. С другой — от сторонников. Нашлись и такие, причем весьма высокопоставленные. Охрана тюрьмы была сменена. Охранниками стали члены Лиги. Они знали, что У Со обязательно постараются спасти или убрать. Он слишком много знал.

У Со пытался бежать. Через два дня ему удалось переправить на волю записку:

«Полночь. Лестница. Зеленые бананы. Лимонад».

Записка была адресована ни много ни мало как заместителю начальника военной полиции Бирмы — англичанину. Записку перехватили уже в городе.

Не дождавшись ответа от англичанина, У Со предложил начальнику тюрьмы сто тысяч. Но начальника Лига уже сменила. Подкуп не удался.

У Со получил записку с воли. «Обратись к Высокому». Потом выяснилось, что Высокий к тому времени не по своей воле покинул Рангун. Это был английский разведчик, полковник Толлок.

К началу суда у следствия накопилось столько материалов, что исход его был ясен заранее.

Суд начался только в октябре. Задержку вышла из-за защитника. Никто в Бирме не захотел защищать У Со. Пришлось выписать адвоката из Англии. А потом еще одного, ему на помощь.

Рядовые участники процесса не имели адвокатов. Суд предложил им государственных адвокатов, но обвиняемые отказались. Они считали, что У Со предал их. Он их уверял, что им ничто не грозит, что он выручит их из любой беды. Теперь он выписал себе адвокатов из Англии, а своих подручных бросил на произвол судьбы.

У Со в самом деле предал их. С первого же дня следствия и до последнего он не устал твердить, что ровным счетом ничего не знал о покушении, что это все — ловушка и провокация левых.

— Может быть, — говорил он на процессе, — мои мальчики хотели сделать мне приятное и убрать Аун Сана, потому что знали, что по праву во главе Бирмы должен стоять я. Но я об этом и не подозревал. Подозревал бы — отговорил.

— Но ведь вас видели, как вы провожали их «на дело», как вы встретили их. Ваши же слуги говорят, что вы кричали «Победа!», когда вернулся джип с убийцами, пошли с ними за стол, пили и пировали.

И чем яснее становилось остальным подсудимым, что начальник их предал, тем подробнее они рассказывали о покушении. Правда, они не знали тайных пружинок и нитей, что тянулись к У Со из английской разведки, а сам У Со был уверен, что его все-таки спасут и связей не выдадут. Эту уверенность в освобождении в нем поддерживали до самого последнего дня.

У Со крепко держал в руках своих «подданных». Одних пригнал в трудную минуту, а потом опутал обязательствами и долгами, других выручил из тюрьмы, третьих снабжал наркотиками.

Помощников он подбирал из деревни, темных, необразованных, опутанных суевериями. Если У Со был уже уверен, что парень у него в руках, тому устраивали последнее испытание. На берегу озера, у маленькой пагоды, новобранец произносил страш-

ную клятву — клялся духами, клялся душами предков, клялся своей настоящей и будущей жизнью. А потом подписывал кровью записку:

«Прошу в моей смерти никого не винить. Я предал Родину и за это умираю, убитый собственной рукой».

У Со прятал эти записки в тайник. Если изменишь, на твоём трупе найдут эту записку. Ясно?

Но он был добр и обходителен. Он будто бы забывал о записке. Разговаривал с ними как равный. Они были и его телохранителями, и слугами. А когда понимал, что можно доверить «акцию» — давал нетрудное задание. Избить, например, активиста Лиги, доставить оружие, сжечь дом коммуниста... Давал деньги на карманные расходы. Больше, чем можно заработать честным трудом. Денег у У Со было много.

Отрезвление наступило во время процесса. Только тогда они разглядели настоящее лицо своего отца, своего бога. Он старался все свалить на них. Придумал сложный и правдоподобный заговор. Распределил роли. Не было в этом заговоре только роли для него самого. Нет, среди убийц политиком был только У Со. Грязным политиком.

Незадолго до смерти Аун Сан выступал на митинге. И сказал: «В самом ли деле политика грязна? Конечно, нет. Не политика грязна, а грязны те люди, которые ее пачкают».

У Со жестоко просчитался. Он думал, что все пройдет гладко. Для него. Может быть, ему и пообещали, что все пройдет гладко.

Казнили У Со уже в независимой Бирме. Он хотел послать прошение о помиловании английскому королю, но не успел, и прошение попало на стол первому президенту Бирманского Союза. Президент прошение отклонил.

Последние дни У Со провел в окружении буддийских монахов. Он молился. Стерегли его вдвое крепче, чем до приговора. Ему не верили.

А в день казни состоялся в Рангуне массовый митинг крестьян, посвященный вопросам восстановления сельского хозяйства, распределения земли. Только из газет узнали бирманцы на следующий день, что У Со и другие убийцы повешены.

А англичане просто отказались от знакомства с У Со. Отказываются они и по сей день.

Но уже завтра после убийства Аун Сана, выступая в палате общин, левый лейборист Том Драйберг сказал:

«Я выражаю искреннее горе тех, кто был счастлив знать Аун Сана и его коллег, и я заявляю, что моральная вина за убийства меньше лежит на благопризерских элементах в Рангуне, нежели на благородных британских джентльменах здесь (громкие крики: «Долой!.. Слушайте!»), которые подстрекали к предательству и саботажу».

Правительство Великобритании официально заявило, что сожалеет о смерти бирманских лидеров, и подчеркнуло, что не имеет ничего общего с убийцами.

Удивительнее было бы обратное заявление. Бирма была в трауре.

20 июля в Рангуне состоялись похороны Аун Сана и остальных мучеников. Так их теперь и будут называть — мученики, мученики свободы. И день их смерти станет Днем мучеников.

За гробом боджока шло сто тысяч человек.

Горькая новость достигла Индии. Когда Неру узнал о смерти Аун Сана, он, не стесняясь окружающих, заплакал. Сказал: «Не Бирма, а вся Азия, боющаяся за независимость, потеряла своего вождя».